

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-229-243>

EDN: CCGTEN

Научная статья / Research Article

Образ Ч.С. Пирса в русской философии: из истории формирования канона «американских философов»

В.В. Ванчугов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4

 vanchugov@gmail.com

Аннотация. В работе представлен российский историко-философский процесс в контексте обнаружения нового для интеллектуального сообщества объекта, темы, персоны, совокупность реакций и формирование продукта. Опора на философский эмпирический материал и соответствующая герменевтика в его обработке позволяет выделить факторы, которые влияли на индивидуальную и коллективную рецепцию. Удобным фактором автору видится «открытие» российским философским сообществом начала XX в. как американской философии в целом, так и Ч.С. Пирса в частности. Начиная с XIX в. русские мыслители обращают свое внимание американскую философию во всем разнообразии ее проявлений. Особое внимание привлекает американский прагматизм, все, что с ним ассоциируется. В России появляются переводы текстов американских мыслителей, критические обзоры публикаций статей, журналов. Особый интерес в этой «коллективной рефлексии» американских идей представляет система предпочтений идей, текстов, событий, имен. В итоге то, что может представляться приоритетным для европейского мыслителя, для российского оказывается на периферии его сознания, равно как и наоборот. В то время как среди приоритетных фигур для русских мыслителей оказался Джеймс, Пирс оказался в его «тени». На богатом эмпирическом материале автор показывает все этапы формирования образа Пирса в русском интеллектуальном сообществе. В исследовании показан тот «образ» Пирса, который представляет не столь самого мыслителя, сколько характеризует обратившееся к нему интеллектуальное сообщество. Проведенное исследование представляет интерес как для современных зарубежных и российских толкователей Пирса, так и для историков философии, переосмысливающих прошлое и формирующих в настоящем новые объекты рецепции и рефлексии.

Ключевые слова: прагматизм, американская философия, история философии, философское страноведение, история идей, психология, герменевтика, образование, наука, культура, интеллектуальная публицистика, Запад, Европа, США

© Ванчугов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 30.07.2023

Статья принята к публикации 01.11.2023

Для цитирования: Ванчугов В.В. Образ Ч.С. Пирса в русской философии: из истории формирования канона «американских философов» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 229—243. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-229-243>

The Image of C.S. Peirce in Russian Philosophy: From the History of the Creation of the “Canon” of American Philosophers

Vasily V. Vanchugov

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av., 119991, Moscow, Russian Federation
 vanchugov@gmail.com

Abstract. The study presents the Russian historical-philosophical process in the context of the discovery of a new object, themes, personae, set of reactions and formation of a product for the intellectual community. The author's reliance on philosophical empirical material and appropriate hermeneutics in its processing allows the author to highlight those factors that influenced individual and collective reception. The author sees as a convenient case study the “discovery” by the Russian philosophical community of the early 20th century of both American philosophy in general and C.S. Peirce in particular. Since the beginning of the 19th century, Russian thinkers have turned their attention to American philosophy in all the diversity of its manifestations. Russian intellectuals paid special attention to American pragmatism and everything associated with it. In Russia, in addition to translations, numerous reviews of foreign publications on this topic are appearing. Of particular interest to us in the Russian “collective reflection” of American ideas is the system of preferences for ideas, texts, events, and names. The point is that what might have been a priority for a European thinker, for a Russian one turned out to be on the “periphery” of his consciousness, as well as vice versa. While James appeared among the priority figures for Russian thinkers, Peirce was in his “shadow”. Using rich empirical material, the author shows all the stages of Peirce’s image formation in the Russian intellectual community. The research shows that “image” of Peirce, which represents not so much the thinker himself, but characterizes the intellectual community that turned to him. The results of the study may be useful both for contemporary foreign and Russian interpreters of Peirce and for historians of philosophy who are rethinking the past and forming in the present new objects of reception and reflection.

Keywords: pragmatism, American philosophy, history of philosophy, philosophical country study, history of ideas, psychology, hermeneutics, education, science, culture, intellectual journalism, West, Europe, USA

Article history:

The article was submitted on 30.07.2023

The article was accepted on 01.11.2023

For citation: Vanchugov VV. The Image of C.S. Peirce in Russian Philosophy: From the History of the Creation of the “Canon” of American Philosophers. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(1):229—243. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-229-243>

Введение

Во вторую половину XIX в. российское академическое и любительское сообщество начинает осваивать философское наследие «дальнего Запада» — США. Если раньше ментальный ландшафт российского интеллектуала состоял, преимущественно, из Европы континентальной и островной (Британия), то теперь наряду с философией «немецкой», «французской» и «британской», в круг его спекулятивных, исследовательских и образовательных интересов начинает эпизодически, а затем и систематически попадать «американская» мыслительная продукция. И наблюдение за этим процессом дает нам много интересного материала относительно российской философии, проявляющей свои особенности в освоении нового для нее материала. В частности, настроим свою историко-философскую ретроспекцию на Ч.С. Пирсе, посмотрим, как, точнее кем, где, при каких условиях происходило его «проявление» в интеллектуальной сфере России; посмотрим, как развивались события в сфере рецепции американской философии в контексте приобщения к личности и творчеству одного из ее представителей.

Методологический аспект

Для понимания происходящего тогда в России необходимо принимать во внимание особенности функционирования сообщества, его структуру. В институциональном аспекте мы видим наличие ученой корпорации, — философии «университетской» и «духовно-академической»; — сообщество любительское, «вольное» (вне институций), также принимающее участие в формировании тематической «повестки дня»; — высокую публикационную активность (при малом числе «профильных» журналов); — преобладание неформальных ассоциаций над формальными; — сосуществование разнородных философских направлений, так что мы имеем богатую палитру от позитивизма до метафизики; — интенсивность как в усвоении философского наследия, так и в поисках новых техник и практик, ракурсов, точек зрения, обновления философии, модернизации школ, дисциплин, умонастроения. Обращается внимание на все, что обладает новизной, необычностью, далеко не все познается сразу и непосредственно, долгое время спонтанно сопоставляется, понимается, требуется много времени, посредников, и только в последующем видна какая-то закономерность, и хаос предстает как предвзвешенное условие порядка.

Философский процесс есть, среди прочего, и синхронизация действий: рефлексия по поводу идей, текстов, событий внутри сообщества, что выражается как обмен мнениями и производство знаний, приближающих нас

к истине. Если брать российское сообщество, интеллектуальный класс, то он синхронизировался с греками, французами, немцами — сначала с задержкой по времени, затем приближаясь к одновременности (едва вышедшая книга выписывалась, прочитывалась, подвергалась приватному или публичному разбору и прочее). Важным показателем прогресса в философии является как раз сокращение творческой реакции по времени, приближение к одновременности: Москва и Петербург одновременно с Парижем и Берлином, Римом и Лондоном читает и обсуждает. И приходит время, когда происходит синхронизация с Нью-Йорком, Чикаго, Бостоном. В случае с Пирсом мы имеем большой временной интервал задержки в рецепции.

Истоки. Открытие философии «Дальнего Запада»

В 1879 г. происходит своеобразная игра ментальных отображений, наблюдение за наблюдаемым — в журнале (появившемся на свет в 1876 г.) «*Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*» («Философское обозрение Франции и других стран») появляется описание британского журнала «*Mind: A Quarterly Review Of Psychology And Philosophy*» («Разум: ежеквартальный обзор психологии и философии»), начавшегося издаваться тремя годами ранее¹. В этом же номере французского обозрения публикуется девятнадцатистраничная статья «Как сделать наши идея ясными», появившаяся в «*Popular Science Monthly*» — американском научно-популярном журнале, выпускаемый с 1872 г. Так для французской аудитории стала доступной интеллектуальная продукция еще одного представителя англоязычной философии — статья Пирса «Как сделать наши идеи ясными», в которой было сформулировано правило, позже получившее название «прагматистской максимы»: следует рассмотреть все диктуемые некоторым понятием следствия, которые будет иметь предмет этого понятия, причем те, что способны иметь практический смысл; понятие об этих следствиях и будет составлять полное понятие о предмете.

У нас в это время «сканированием» зарубежного интеллектуального продукта занимался ведомственный журнал — «Журнал министерства народного просвещения», появившийся в 1834 г. и в своей неофициальной части публиковавший много материала, имевшего отношение к философии в ее прошлом и настоящем: публикации текстов, обзоры зарубежной периодики и книжных новинок. Это тот журнал, на который естественно обратить внимание, пытаясь зафиксировать «обнаружение» в российском публичном пространстве чего-то нового, необычного. Однако «Журнал министерства народного просвещения», часто полезный при историко-философских экскурсах, не дает нам результата, что видно и из «Указателя статей, помещенных в неофициальной части журнала министерства народного просвещения за время

¹ *Mind. A quarterly Review, etc.* Robertson G.C., editor // Robertson G.C. *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. Vol. 7. 1879.

с 1867 года по 1891 год» (СПб., 1894). Далее, с 1889 г. появляется в России журнал «Вопросы философии и психологии», издаваемый московским Психологическим обществом. Это первый у нас профессиональный журнал, на регулярной основе и при поддержке большого академического сообщества публиковавший качественный материал из прошлого и настоящего отечественной и зарубежной философии и психологии. И со второго номера в нем также начинаются, типичные для той поры, наблюдения за наблюдателем — помещаются, среди прочего, и обзоры «*Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*» [1. С. 50—60]. Редакция просматривает не только зарубежную периодику, но и книжные новинки, среди которых и американские авторы. Так в пятом выпуске журнала его редактор Н.Я. Грот дает описание «*The principles of psychology*» W. James, изданных в Нью-Йорке в 1890 г., подчеркивая особую ценность автора, и выражает пожелание, чтобы его труды непременно перевели в России [2. С. 90]. Для нового журнала, среди прочих, П.В. Мокиевский представляет, с 1890 г., достаточно регулярно, для раздела «иностранные философские журналы», свои материалы (иногда в абзац, порой и в несколько страниц) — обзоры журнала «*Mind*» (с 57-го номера, то есть с 1890 г.), в виде аннотаций статей различных авторов [3. С. 70—72].

«Обнаружение» Ч.С. Пирса

Эпизодически в журнале «Вопросы философии и психологии» появляется материал по американской философии и от других наблюдателей. Так в 12-й книге «Вопросов философии и психологии» Н. Абрикосов поместил аннотированное обозрение нового американского журнала «*The Philosophical Review*»; в 13-й К. Вентцель обозрел «*The Monist. A Quarterly Magazine of Philosophy, Religion, Science and Sociology*», появившийся в Чикаго в 1890 г. Далее краткие обзоры этих изданий делались другими лицами то в совокупности с другими журналами, то снова отдельным описанием. Один из них укрылся под инициалами «С.К.». Другой обозреватель «Мониста» — Алексей Павлович Басистов — в конце своего обозрения замечает, что в указанных книжках журнала напечатана статья «*Ch.S. Pierce`a по математической логике /.../*» [4. С. 535].

Итак, в 1897 г., благодаря рутинному просеву литературы, поиску информации для библиографических разделов, на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» у нас зафиксирован Пирс, как автор работ по математической логике. На момент появления у нас как Джеймс, так и Пирс, не связаны с прагматизмом. Термин «прагматизм» есть, но он не философский, и употребляется как элемент исторической и юридической практик, а то, что будет обозначаться вскоре как философское направление, самоидентифицируется пока как «радикальный эмпиризм». Только в 1905 г. можно зафиксировать первое появление слова «прагматизм» в контексте обозначения нового философского учения — это было сделано на страницах журнала «Русское богатство», в заметке П.В. Мокиевского, посвященной посмертной оценке жизни и творчества русского физиолога И.М. Сеченова.

Павел Васильевич Мокиевский (1856—1927) своими наблюдениями делится (с 1890 г.) с новым в России журналом — «Вопросы философии и психологии». Итог этих долгих и пристальных наблюдений публикационной активностью Нового Света, за американской философией — Мокиевский использует англо-саксонский ментальный фон для выделения особенностей русских мыслителей. Так одного из наших теоретиков народничества — Н.К. Михайловского — он сопоставляет с Уильямом Джеймсом [5. С. 45—50]. В заметке же, посвященной смерти русского ученого Сеченова, Мокиевский отмечает: «Если уж употреблять старомодное выражение «последнее слово науки», то на это название в области философии, конечно, больше всего имеет право то философское течение, которое... именуется различными своими представителями то «прагматизмом», то «практицизмом», то, наконец, «гуманизмом»» [6, С.196]. Впрочем, это было лишь упоминание, без пояснения, почему это учение именуется так разнообразно. Только в 1908 г. российским читатель сможет получить о Пирсе относительно внятное, хотя и краткое представление. На тот момент все еще нет текста самого Пирса, но есть некое печатное «повествование», в котором Пирс представлен в контексте, и мы имеем некоторую «историю о Пирсе» как человеке и мыслителе.

Русский логик Васильев о Пирсе

В 1908 г. Николай Александрович Васильев, в будущем создатель «воображаемой» (или не-аристотелевской) логики, прибыл в Германию с целью совершенствования в науках для соискания в последующем звания приват-доцента Казанского университета. Перед возвращением в Россию он направляется в Гейдельберг, где с 31 августа по 5 сентября 1908 г. должен был проходить третий международный философский конгресс. Прежде мероприятия столь высокого уровня состоялись в Париже (1900) и в Женеве (1904). Конгресс в Париже освещал В.Н. Ивановский, женевский — он же, и Г.И. Челпанов. И на этот раз среди участников группа философов из России, а один из визитеров оставляет подробное описание. Васильев в Гейдельберг прибыл достаточно осведомленным в делах философии, что позволило ему составить информативный и осмысленный отчет [7. С. 53—85].

Из него российским читателям стало известно среди прочего, что на конгрессе отсутствовали многие из тех философов, которых ожидали больше всего [7. С. 54]. При этом, именно прагматизм оказался в центре внимания участников конгресса, и потому Васильев сосредоточит усилия на разборе данного явления. Стоит отметить, что в 1904 г., исходя из отчета Челпанова, было лишь одно выступление, которое только названо, без детализации содержания: «Прагматистская философия и мораль» (Беллончи, Болонья) [8. С. 594]. Уже в первый день на общем собрании Ройс делает доклад, посвященный прагматизму — «Проблемы истины в свете новейших исследований». И поскольку обсуждение прагматизма вызвало повышенный интерес участников конгресса, а русское общество мало знакомо с этим

направлением английской и американской мысли, то Васильев посчитал необходимым вкратце представить на страницах «Журнала министерства народного просвещения» его историю и сущность.

В общем, как кажется Васильеву, можно установить две основных разновидности прагматизма, и это деление обусловлено отношением к теории познания — в прагматизме она враждебна как рационализму, так и кантовскому априоризму, и примыкает к классическому эмпиризму и позитивизму английской философии (Локк, Беркли, Юм, Милль). А потому для Васильева очевидно, что так называемый «принцип Пирса» есть только «крайнее развитие эмпирических принципов английской философии» [9. С. 72]. Васильев видит в настоящем следующие разновидности прагматизма: 1) одна отрицает и метафизику, и религию, ограничивая все человеческие убеждения системами ожидания, подтверждающимся опытом; 2) другая ставит своей задачей, исходя из принципов прагматизма, оправдать религиозное сознание. Первая модификация прагматизма представлена самим Пирсом, вторая — Джеймсом и Шиллером.

Далее, как заметил Васильев, в той гейдельбергской дискуссии о прагматизме оказалась представленной лишь шиллеровская версия этого течения. От нашего наблюдателя в Германии мы узнаем также, что на конгрессе были еще философы, называющие себя прагматистами, но «придерживающиеся более осторожных взглядов Пирса». И здесь же сообщается одна интересная подробность: «Они хранили глубокое молчание, не выступали в защиту Шиллера и даже иногда аплодировали его оппонентам» [9. С. 33—34]. Однако несмотря на неудачное завершение дискуссии для Шиллера, дело всего прагматизма не было проиграно. Более того имел место случай даже «обращения» в новое учение: так после одной дискуссии стало известно, что в прагматическую «веру» обратился присутствовавший на конгрессе «японский профессор Куваки» [9. С. 33—34].

Сам Васильев при этом все же не обратился в новую «веру», поскольку его внимание было захвачено проблемами логики, так что если ему и следовало бы познакомиться с кем-нибудь из нового движения, так это с Пирсом, впервые упомянутом у нас, как я уже отмечал выше, в 1887 г. в качестве пишущего по «математической логике». Кстати, как нам известно, еще в отрочестве Васильев серьезно занимался не только психологией, но и логикой, и даже конспектировал сложную работу Пирса по логике отношений. И делать это приходилось не по отечественным, а зарубежным изданиям, благо уже в восемь лет Васильев свободно говорил по-немецки, а чуть позже освоил французский и английский языки.

Итак, благодаря Н.А. Васильеву отечественный читатель, интересующийся философией, особенно новейшей, получает возможность получить своего рода «портрет» Пирса, узнать о его принципах, излагаемых в близких к первоисточнику формулировках. И именно Васильев — по набору компетенций и самому психотипу — объективно мог быть тем, кто смог бы ввести творческое наследие Пирса в российское интеллектуальное пространство, выступить его «проводником». Однако этого не произошло.

Пирс в «примечаниях» русских мыслителей

Далее Пирс снова становится персонажем примечаний, упоминаний, кратких заметок, ничего не прибавляющих к пониманию мыслителя. Полстраницы уделяет ему Лазарев [10. С. 113], один абзац на первой странице Балабан [11. С. 574], одно предложение Глаголев [12. С. 578], абзац в сноске у Страхова [13. С. 112]. В 1910 г. в «Русской мысли» опубликованы рассуждения С.Л. Франка о прагматизме, одновременно с выступлениями, прозвучавшими после его доклада на заседании московского философского кружка, собиравшемся в особняке Морозовой. Прения по докладу были записаны, отредактированы самими выступающими и предложены читателям «Русской мысли» в виде цельного блока под названием «*спор о прагматизме*». Таким образом, в одном номере журнала, кроме доклада Франка [14. С. 90—120], были опубликованы выступления Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. А. Котляревского, Л. М. Лопатина, С. В. Лурье, М. М. Рубинштейна, П. Б. Струве, А. К. Топоркова, Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова. Но и в этом коллективном действе, при всей его полифонии, Пирс остается на периферии сознания участников «спора о прагматизме».

В этом же году в России в «Библиотеке современной философии» первым выпуском публикуется текст Джеймса «Прагматизм», а в 104-й книге «Вопросов философии и психологии» появляется сообщение о смерти Джеймса, почетного члена Московского психологического общества. Переводчик «Прагматизма» на русский язык стал один из когорты эмпириокритицистов той поры — Павел Соломонович Юшкевич. Открывая это издание, читатель той поры мог обратить внимание на подводку к теме самого Джеймса — свой труд он посвящает Дж. С. Миллю, у которого «впервые научился прагматической открытости духа», и которого воображение «охотно рисует себе нашим вождем, будь он в настоящее время в живых». Что же касается живущих: если у кого-то из читателей лекций Джеймса возникнет интерес к прагматизму, то он рекомендует им (Предисловие») работы Дьюи, Шиллера, Ле Руа, Блонделя, де Сайи, Папини. А потому Пирс, о котором Джеймс упомянет кратко чуть позже, воспринимается читателем скорее как тот, кто у истоков прагматизма, но не его источник. Так что если кто захочет припасть к живительному источнику, то следует обращаться к Джеймсу и указанным в его предисловии фигурам. А вот чем еще может быть полезен Пирс читателю — остается тому неизвестно. Так что к 1910 г. Пирс все та же фигура, которая эпизодически упоминается, но не принимается особо во внимание. И чем он вообще еще занимается, российский читатель понять не в состоянии. Самого Пирса — не прочитать, о нем никто специально не пишет, только лишь эпизодически сообщают как нечто второстепенное по ходу основного дела.

Юшкевич о Пирсе

Также в данном издании российский читатель мог встретить не только краткое упоминание Джеймса о Пирсе, но и мнение переводчика о направлении и его представителях. В своем послесловии к переводу Юшкевич, — сам философ, один из неортодоксальных марксистов, тяготеющих к эмпирическому реализму, научной философии, — заметил, что, с одной стороны, новое учение недостойно «той чести, которую ему оказывают его неумеренные восхвалители», а с другой стороны оно не заслуживает и того бесчестия, которому ему подвергают его гонители. В прагматизме Юшкевич нашел оригинальное переплетение ценных идей, выработанных современной философией естествознания, и «старых, лишь искусно перекрашенных в новый цвет», предрассудков. Но судьба прагматизма такова, что «ему на пользу идут не только его положительные, но и его отрицательные стороны, — и, может быть, даже большей долей своего успеха он обязан именно своим недостаткам» [15. С. 191].

Однако особо нас интересует его мнение о Пирсе. Юшкевич, приложивший к тексту Джеймса свое большое рассуждение «О прагматизме» (47 страниц), заявил, что он не будет вдаваться здесь в анализ «самой по себе попытки Пирса». Почему? Потому что и без особенных рассуждений ему ясно, что предлагаемый Пирсом критерий «слишком прост, груб, топорен, чтобы всегда и везде подходить к филигранной работе утонченного философского мышления. Вряд ли вообще может быть найден такой критерий, такая чудесная фраза в несколько строчек, которая бы дала нам раз и навсегда средство отделять ценные предложения от ничтожных или бессмысленных. Уж слишком легкой стала с этим логическим «сезам, отворись!» задача философии. В критерии Пирса ценна мысль рассматривать идеи не изолированно, а как часть целого, как первый член порождаемого ими ряда, в котором они выражаются, — но отсюда еще далеко до ариадниной нити, которая бы позволила проникнуть в лабиринт философского умозрения без риска заблудиться в нем и быть пожранным Минотавром» [15. С. 194—195].

Подойдя к теме разрыва с прагматистами, Юшкевич, отметив установку Пирса на научный тип формирования убеждений, полагая их высшим сравнительно с другими, в том числе и религиозными, был прав, идя на разрыв, так как современные прагматисты «поставили себе задачей как раз обратное: защиту права на существование иррационального, борьбу с рационализмом и уравнение религиозной спекуляции с научным исследованием. Придерживаясь формально принципа Пирса, они по существу изменяют его путем распространительного толкования слова «практический». Практические следствия, о которых говорит Пирс, это то, что действует на наш глаз, ухо, — это факты осязательные, доступные экспериментальному контролю. Прагматизм Пирса, его практицизм — это экспериментализм» [15. С. 195—196]. Что же касается «формулы Пирса», в которой конкретно выразился этот практический и эмпирический дух прагматизма, то, «если понимать ее не как общую

руководящую мысль, а как точный критерий, то особенного значения она не имеет», и применении прагматистов позднейшей формации она стала «орудием самой злостной путаницы», и с ее помощью они пытаются «прикрывать духом эмпиризма и проводить свои разнообразнейшие субъективные концепции» [15. С. 232].

В итоге читатель данного издания впервые получает — благодаря философствующему переводчику Джеймса, — негативные характеристики Пирса, из чего можно было сделать вывод о малопригодности предтечи прагматизма для настоящей философии. Тем временем в России появляется еще одна переводная (на этот раз с французского) работа М. Эбера «Прагматизм: Исследование его различных форм: англо-американских, французских, итальянских, и его религиозного значения» [16], первая глава которого давала возможность отечественному читателю кратко познакомиться с «прагматизмом Пирса». Но в целом все так же не очень информативно, не позволяет проникнуть в суть темы: Пирс представлен весь, или это лишь часть его творчества? Нет упоминания о Пирсе в «Размышлениях о прагматизме» В.Ф. Эрнана [17. С. 1—25], не «видит» Пирса и Берман, автор многословного, но малосодержательного труда [18]. Зато на помощь российскому любителю мог прийти П. Мокиевский, который какое-то время продолжал составлять аннотированные обзоры для журнала «Вопросы философии и психологии», но писал, как и прежде, для «Русского Богатства». Именно здесь и публикуется его описание прагматизма.

Русские мыслители о Пирсе и американской философии

В первом выпуске у Мокиевского в основном рассуждения о Джеймсе, Дьюи и Шиллере, второй целиком воспроизводит возражения Дьюи по поводу заблуждений публики относительно прагматизма. Но есть у Мокиевского немного и о Пирсе. Он повторяет историю появления мыслей Пирса, уже знакомую нам по Васильеву, Джеймсу и другим авторам, но излагает ее уже, если можно так сказать, с контекстуальной нюансировкой [19. С. 116]. Впрочем, какого-то существенного сдвига, сравнительно с «повествованием» Васильева, нет. Это всего лишь вариация, без открытия новых фактов, углов зрения, но и без похлопывания по плечу, как у Юшкевича. Как бы то ни было, российский читатель так и не получал возможности узнать, чем же еще занимался Пирс кроме того, что упредил всех в прагматизме, но прагматисты пошли своим путем, а куда пошел в своей творческой жизни Пирс — неведомо.

Среди инструментов фиксации достигнутого знания появляется в то время еще один, заслуживающий внимания: «Философского словарь. Логика, психология, этика, эстетика и история философии под редакцией Э.Л. Радлова» (1911). В нем нет ни Пирса, ни прагматизма, а Джеймс одной строкою обозначен как психолог; во втором издании Джеймсу уделен уже абзац, как о своеобразном прагматисте, но Пирса — нет. Тем не менее, учитывая весь массив инструментов, все наличное сообщество философов с их интересами,

событиями, к 1911 г. в России уже сформировался объем компетенций, позволяющих приступить к формированию цельного представления не только философии Запада «ближнего» (Европы), но и «дальнего» (США). Российскому философскому сообществу, достаточно оперативно реагирующему на философские события в мире, пора было уже составить представление об американской философии, с какого она времени, кто ее представители, тексты, круг тем и объем проблем.

На третьем философском конгрессе в Гейдельберге (1908) был, среди философов, наш Ф. А. Степун, и особо отмеченный им позже Б. В. Яковенко, на тот момент студент местного университета. Вспоминая об этом конгрессе, Степун характеризовал прагматистов как «наследников Рима, но не Афин»: «враждебные созерцательной традиции в христианстве, пуритане-прагматисты приехали в цитадель идеалистической философии с целью навязать Европе возникшее в Америке убеждение» [20. С. 116]. Прибыв в Россию после обучения в Германии Яковенко в большей степени, чем его единомышленники в деле построения философии как строгого знания, склонен был уделять внимание описанию национальных философий. Для «Логоса» Яковенко писал о «Немецкой философии за последние годы» (1910, Кн. 1), об «Итальянской философии последнего времени» (1910, Кн. 2); в 1913 г. в «Логосе» появился обзор «Современная американская философия» [21. С. 269—343], где в качестве источников информации автором перечислены в основном работы на английском языке. Так что с учетом первоисточников, Яковенко занялся тем, что американцы называют «Bridging the Gap» — «наведением мостов» между Россией и Новым Светом.

На третьем международном философском конгрессе в Гейдельберге (1908), как уже отмечалось, Яковенко был замечен своей критикой прагматистского направления. В 1912 г. он опубликовал «О сущности прагматизма (pro et contra)», из которой следовало, что прагматизмом нельзя не увлечься, но его нельзя и не отвергнуть, когда наступит успокоение, что «при виде его настежь распахнутых дверей, в него нельзя не войти, но, пробывши длинный трудовой день в атмосфере его вихреобразной, безалаберной умственной жизни, трудно не потянуться всеми фибрами души к более устойчивому и дисциплинированному философскому существованию» [22. С. 67]. Все критическое и положительное значение прагматизма Яковенко видит в том, что оно является началом будущего строительства. Но в целом роль этого способа философствования незначительна, так как он никогда не станет в ряду великих созданий человеческого духа, не будет частью философской традиции.

Подобной цветистостью суждений отличается и его разбор годом ранее книги Марсея Эбера «Прагматизм, исследование его различных форм: англо-американских, французских, итальянских и его религиозного значения», где Яковенко отметил, что как бы ни относится к учениям прагматизма, за ними нельзя не признать известной умственной свежести и нельзя не приветствовать в его лице протест против крайнего интеллектуализма

и схематизма» [23. С. 315—316]. Более интересным является продолжение постижения им прагматизма в его обзоре современной американской философии. Если в предыдущей работе Пирс упомянут только как «Пёрс», по ходу изложения материала, без детализации, то здесь он у него как Пирс, только не Чарльз, а Шарль. Яковенко относит его к третьей группе мыслителей, во многих отношениях тесно связанной с философской позицией Ройса, и которой «проповедуется спиритуалистически-идеалистический эволюционизм». Именно Ройс является альфой и омегой американской философии, ее создателем, воплощением, лицом. Пирс же для Яковенко, как и Джеймс, периферийен, хотя и заслуживает краткого и маловразумительного представления российскому читателю «сюнехистической» философии с опорой на англоязычные источники.

Позже Яковенко еще раз вернется к американской философии, и снова доминантой будет Ройс [24. С. 389—444]. Так что опыт представления Пирса в американском историко-философском процессе ничего не на тот момент российским читателям не дал. Более того, в изложении Яковенко Пирс стал выглядеть, для нашей аудитории, каким-то маловразумительным философом.

Вскоре начинается война, к которой добавляется революция, война гражданская, и наблюдения за деяниями заокеанских философов затрудняются. Пирс умирает в 1914 г., и только жив его «образ», созданный к тому времени нашим интеллектуальным сообществом. Он мелькнет в рукописи философской мистерии Валериана Муравьева «Софья и Китоврас» (перв. Пол. 1920-х гг.), продолжателя «проекта» «Общего Дела» Н.Ф. Федорова. Муравьев попытался развить свои принципы «философии действия», и в своей ревизии философии соприкоснулся, среди прочего, и с американской мыслью, так что, помяная в мистериальном диалоге Джеймса и Пирса, он попрекает их в релятивизме и субъективизме [25. С. 498—499]. Но и этот эпизод — типичный пример сложившегося к тому времени своевольного применения образа Пирса соответственно своим потребностям, манипулирование конструктом. Впрочем, вскоре и это прекратится. В качестве затмевающей Пирса фигуры станет Дьюи, и ряд других. Дальнейшая метаморфоза с «Пирсом» в условиях постимперской России, советской философии — предмет другой истории. Здесь же мы делимся наблюдением за появлением «Пирса», проявлением его образа на поверхности сознания российского философского сообщества.

Выводы

Что же мы имеем по итогам выделенного процесса синхронизации российского философского сообщества с американским — в контексте рецепции личности Пирса? С учетом сформированного эмпирического материала и его историко-философской структуризации можно выделить следующие периоды: — Пирс в сносках и примечаниях (1897—1907); — первое связное и осмысленное «повествование» о Пирсе и его умонастроении (Н.А. Васильев,

1908); — Пирс как «фигура речи», упоминания по ходу дела, реплики осведомленных, при этом есть расхожее мнение о Пирсе, но нет самого Пирса; — указание места Пирса и его значения в свете обзора американской философии: попытка Яковенко (1913).

По ряду естественных причин, преимущественно историко-философского, психологического, технологического, а не политического свойства, Пирс оказался в тени Джеймса. Его творчество «упаковалось» у нас в формат повествований а`la «жизнеописания» Диогена Лаэртского, где несколько изречений и кратких эпизодов из жизни. Дальше «доксографии» деле не пошло. При этом стоит отметить, что в России к тому времени сформировалось интеллектуальное сообщество, где были, объективно, типажи, близкие к Пирсу. Были приверженцы метода науки, готовые работать ситуативно, с определенной и уникальной социальной проблемой, — которая только здесь, сейчас и для тебя, выдвигать всеми доступными средствами гипотезы и заниматься их проверкой, исходить из того, что уникальные жизненные траектории дают уникальные решения, но на грани риска. Однако были и те, кто уповал на метафизические предпосылки, равно как и подверженные магии авторитетов, инкорпорированные в институции, ассоциации, партии, увлеченные «очистительной» идеологией. Пирса зафиксировали, но ему не последовали. Реальность требовала других типов поведения. В то время как заочные «рекомендации» Пирса требовали упорства и уникальности от его аудитории, ее то партийность, то религиозность этому мало способствовали. Так что, прочитав «про Пирса», далее все равно действовали на основе соответствия авторитетным персонификациям метафизических принципов партии или церкви. А потому «русский Пирс» — это нарратив не о Пирсе, а о русской на тот момент ментальности и реальности, своеобразно реагирующей на внешний «стимул», и реактивно конструирующей очередную метафору, выдаваемую за формулу.

Список литературы

- [1] Грот Н.Я., Ланге Н.Н. *Revue philosophique de la France et de l'étranger* // Вопросы философии и психологии: Книга 2. М., 1890.
- [2] Грот Н.Я. *The principles of psychology* // Вопросы философии и психологии: Книга 5. М., 1890.
- [3] Мокиевский П.В. *Mind, a quarterly review of psychology and philosophy*. № 57, январь 1890 // Вопросы философии и психологии: Книга 3. М., 1890. С. 70—72.
- [4] Басистов П.А. *The Monist*. 1897. Vol. VII. №1—3 // Вопросы философии и психологии: Кн. 38. М., 1897. С. 529—535.
- [5] Мокиевский П.В. Н.К. Михайловский и западная наука // Русское богатство. 1904. № 3.
- [6] Мокиевский П.В. И.М. Сеченов // Русское богатство. 1905. № 10.
- [7] Васильев Н.А. Третий международный философский конгресс в Гейдельберге // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 2.
- [8] Челтанов Г. II-й международный философский конгресс в Женеве // Вопросы философии и психологии. Кн. 74. М., 1904.

- [9] Васильев Н. А. Третий международный философский конгресс в Гейдельберге // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 2.
- [10] Лазарев А. Прагматизм. Новое течение в области философии // Русская мысль. 1909.
- [11] Балабан А. Прагматизм // Вопросы философии и психологии. 1909. № 4.
- [12] Глаголев С.С. Новый тип философии. (Прагматизм или мелиоризм) // Богословский Вестник. 1909. Т. XVIII.
- [13] Страхов П.С. Прагматизм в науке и религии (по поводу книги В. Джемса: «Многообразии религиозного опыта») // Богословский Вестник. 1910. Т. XIX.
- [14] Франк С.Л. Прагматизм, как философское учение // Русская мысль. 1910. № 5.
- [15] Юшкевич П. О прагматизме // Джеймс В. Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии / пер. с англ. П. Юшкевича. СПб. : Шиповник, 1910.
- [16] Эбер М. Прагматизм, исследование его различных форм: англо-американских, французских, итальянских и его религиозного значения. СПб. : АО «Слово», 1911.
- [17] Эрн В.Ф. Размышления о прагматизме // Борьба за Логос: Опыты философские и критические. М. : Кн-во «Путь», 1911.
- [18] Берман Я.А. Сущность прагматизма: Новые течения в науке о мышлении. М. : Златоцвет, 1911.
- [19] Мокиевский П. Прагматизм в философии // Русское Богатство. 1910. № 5. С. 43—46.
- [20] Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М., СПб., 1995.
- [21] Яковенко Б. Современная американская философия. Обзор // Логос. Кн.3—4. М., 1913.
- [22] Яковенко Б. О сущности прагматизма (pro et contra) // Труды и дни. № 2. М., 1912.
- [23] Яковенко Б. Современная американская философия. Обзор // Логос. Кн.3/4. М., 1913.
- [24] Яковенко Б. Онтология Ройса и ее религиозное устремление // Вопросы философии и психологии. 1916. Год XXVII. Кн. 135.
- [25] Муравьев В.Н. Из архивных заметок // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Книга вторая. СПб. : РХГА, 2008.

References

- [1] Grott NYa, Lange NN. Revue philosophique de la France et de l'etranger. *Questions of Philosophy and Psychology*. Book 2. Moscow; 1890.
- [2] Grott NYa. The principles of psychology. *Questions of Philosophy and Psychology*. Book 5. Moscow; 1890.
- [3] Mokievsky PV. Mind, a quarterly review of psychology and philosophy. № 57, January 1890. *Questions of philosophy and psychology*. Book 3. Moscow; 1890. P. 70—72.
- [4] Basistov PA. The Monist. Vol. 7, 1897, № 1—3. *Questions of Philosophy and Psychology*. Book. 38. Moscow; 1897.
- [5] Mokievsky PV. N.K. Mikhailovsky and Western Science. *Russian wealth*. 1904;(3).
- [6] Mokievsky PV. I.M. Sechenov. *Russian wealth*. 1905;(10).
- [7] Vasiliev NA. The Third International Philosophical Congress in Heidelberg. *Journal of the Ministry of National Education*. 1909;(2).
- [8] Chelpanov G. The Second International Philosophical Congress in Geneva. *Questions of philosophy and psychology*. Book 74. Moscow; 1904.
- [9] Vasiliev NA. The Third International Philosophical Congress in Heidelberg. *Journal of the Ministry of National Education*. 1909;(2).

- [10] Lazarev A. Pragmatism. A new current in the field of philosophy. *Russian thought*. Moscow; 1909.
- [11] Balaban A. Pragmatism. *Questions of philosophy and psychology*. 1909;(4).
- [12] Glagolev CS. A new type of philosophy. (Pragmatism or meliorism). *Theological Herald*. 1909;(XVIII).
- [13] Strakhov PS. Pragmatism in Science and Religion (regarding the book by W. Jems: “The Variety of Religious Experience”). *Theological Herald*. 1910;(XIX).
- [14] Frank SL. Pragmatism as a philosophical doctrine. *Russian Thought*. 1910;(5).
- [15] Yushkevich P. *On Pragmatism*. In: James W. *Pragmatism: A new name for some old methods of thinking. Popular Lectures on Philosophy*. Yushkevich P, transl. Saint Petersburg: Shipovnik publ.; 1910.
- [16] Marcel H. *Pragmatism, a study of its various forms: Anglo-American, French, Italian and its religious significance*. Saint Petersburg: JSC "Slovo" publ.; 1911.
- [17] Ern VF. Reflections on Pragmatism. In: *Struggle for Logos: Philosophical and Critical Experiments*. Moscow: "Put" publ.; 1911.
- [18] Berman YaA. *The Essence of Pragmatism: New Currents in the Science of Thinking*. Moscow: Zlatotsvet; 1911.
- [19] Mokievsky P. Pragmatism in Philosophy. *Russkoe Bogatstvo*. 1910;(5):43—46.
- [20] Stepun F. *Former and Unfulfilled*. Moscow, Saint Petersburg; 1995.
- [21] Yakovenko B. Modern American Philosophy. Review. *Logos*. Book 3—4. 1913.
- [22] Yakovenko B. On the essence of pragmatism (pro et contra). *Works and days*. 1912;(2).
- [23] Yakovenko B. Modern American Philosophy. Review. *Logos*. Book 3/4. 1913.
- [24] Yakovenko B. Royce's Ontology and its religious aspiration. *Questions of Philosophy and Psychology*. 1916;135(XXVII).
- [25] Muravyev VN. *From archival notes*. In: *N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 vols*. Book 2. Saint Petersburg: RCHGA publ.; 2008.

Сведения об авторе:

Ванчугов Василий Викторович — доктор философских наук, профессор, кафедра истории русской философии, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: vanchugov@gmail.com). ORCID: 0000-0002-2674-6578

About the author:

Vanchugov Vasily V. — DSc in Philosophy, Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: vanchugov@gmail.com). ORCID: 0000-0002-2674-6578